

**ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ
ЛИНГВИСТИКА/THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE LINGUISTICS**DOI: <https://doi.org/10.60797/RULB.2026.76.5> EDN: BMWFGU**ИНОЯЗЫЧНЫЕ ВКРАПЛЕНИЯ КАК МАРКЕРЫ ИНТЕРДИСКУРСИВНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ НА
ПРИМЕРЕ РОМАНА Э. БЁРДЖЕССА «ЗАВОДНОЙ АПЕЛЬСИН»**

Научная статья

Таргонский О.А.^{1,*}, Миловидов В.А.²^{1,2}Тверской государственный университет, Тверь, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (olegtargonskij[at]gmail.com)

Аннотация

В статье рассматривается феномен интертекстуальности и его описание в ряде посвящённых ему лингвистических исследований. Интертекстуальность рассматривается в качестве явления, производного по отношению к интердискурсивности. Делается вывод о наличии иерархии дискурсов, в которой дискурсы более высокого порядка включают в себя дискурсы более низкого порядка, а также дискурсов специфического типа, соотносящихся с каждым языком и отражающим бытие его носителей (национальных дискурсов). Рассматривается феномен транслингвальной интертекстуальности, возникающей при пересечении национальных дискурсов и смешении материала разных языков, а также специфика интердискурсивных взаимодействий в романе Э. Бёрджесса «Заводной апельсин».

Ключевые слова: интертекст, интердискурс, дискурс, язык, Бёрджесс.**FOREIGN-LANGUAGE INSERTIONS AS MARKERS OF INTERDISCURSIVE INTERACTIONS ON THE
EXAMPLE OF E. BURGESS'S NOVEL "A CLOCKWORK ORANGE"**

Research article

Targonskiy O.A.^{1,*}, Milovidov V.A.²^{1,2}Tver State University, Tver, Russian Federation

* Corresponding author (olegtargonskij[at]gmail.com)

Abstract

The article examines the phenomenon of intertextuality and its description in a number of linguistic studies devoted to the subject. Intertextuality is viewed as a phenomenon derived from interdiscursivity. A conclusion is made about the existence of a hierarchy of discourses, in which higher-order discourses encompass lower-order discourses, as well as discourses of a specific type, corresponding to each language and reflecting the existence of its speakers (national discourses). The phenomenon of translingual intertextuality, emerging at the intersection of national discourses and the mixing of material from different languages, is examined, as well as the specific nature of interdiscursive interactions in E. Burgess's novel "A Clockwork Orange".

Keywords: intertext, interdiscourse, discourse, language, Burgess.**Введение**

Интертекстуальность — явление, лежащее в основе значительного пласта современной литературы постмодернизма [4, С. 4]. Ссылаясь на прецедентные тексты (претексты), постмодернистский автор формирует транстекстуальную конструкцию, на поле которой «разыгрывает» драму столкновения дискурсов (социолоктов), демонстрируя: все в этом мире есть лишь диалог сознаний, вступающих чаще всего в конфликтные взаимоотношения; нет ничего, кроме этого диалога, ибо действительность утратила свой онтологический статус, а единственное, что претендует на статус факта бытия, так это слово (Логос) [6, С. 46].

Основная часть

Термин «интертекстуальность» вошел в филологический обиход в начале второй половины прошлого века. Так, в работе Ю. Кристевой (1967) мы читаем: «Любой текст строится как мозаика цитаций, любой текст — это впитывание и трансформация какого-нибудь другого текста. Тем самым на место понятия интерсубъективности встает понятие интертекстуальности» [5, С. 429]. Ю. Кристева ориентируется, как известно, на идеи М.М. Бахтина, который одним из первых обратил внимание на наличие связей между текстами. Но если Бахтин воспринимает интертекстуальность в первую очередь как диалог сознаний, в рамках которого отдельные авторы высказываний воспринимают друг друга через тексты и реагируют друг на друга текстами, то для Кристевой интертекстуальность выражается в «цитатной мозаике», исключительно межтекстовом диалоге — это общее свойство всех текстов, позволяющее им прямо или косвенно отсылать друг к другу.

В.Е. Чернявская, отмечает, что в современных исследованиях можно выделить две модели интертекстуальности — широкую и узкую, и за данными моделями можно проследить литературоведческую и лингвистическую концепции интертекстуальности [7, С. 180]. Широкая, или радикальная, модель предполагает, что интертекстуальность — это универсальное свойство текста вообще, т.е. любой текст является по своей природе интертекстом. В эту же модель укладываются взгляды основоположников теории интертекстуальности Бахтина и Кристевой. Узкая модель интертекстуальности рассматривает интертекстуальность в контексте лишь некоторых текстов, т.е. определённого класса. В рамках данной модели рассматриваются явления, непосредственно прослеживаемые в тексте, — цитаты,

аллюзии, реминисценции, т.е. узко маркированная интертекстуальность, либо связанные со способом текстопостроения (например, тексты писателей-постмодернистов).

В дальнейшем предпринимались попытки синтезировать эти два подхода; так, Р. Лахманн и К. Штирле предложили различать

- 1) глобальную взаимосвязанность с другими текстами как имманентное свойство любого текста;
- 2) собственно интертекстуальность как особый способ построения смысла [7, С. 186].

Во втором случае интертекстуальность проявляется в таких диалогических отношениях, при которых один текст содержит конкретные и явные отсылки к отдельным предтекстам и/или смысловым кодам, т.е. когда автор намеренно тематизирует взаимодействие между текстами, указывает на них читателю. Наконец, С. Загер выделяет три формы интертекстуальности — абстрактную (потенциальную), актуальную (когнитивную) и текстуально выраженную [7, С. 187-188]. Абстрактная интертекстуальность включает в себя глобальные культурно-семиотические отношения между всеми текстами, т.е. отношения, рассматриваемые в рамках широкой концепции интертекстуальности. Актуальная интертекстуальность предполагает связи между текстом и его реципиентом, связанные с процессами декодирования и интерпретации. Текстуально выраженная форма интертекстуальности, в свою очередь, характеризует такие межтекстовые связи, которые находят выражение непосредственно в ткани текста через определённого рода сигналы, вложенные в текст автором.

Однако интертекстуальность не является самодостаточным явлением и, на наш взгляд, всегда продиктована более глубинным явлением — интердискурсивностью. Так, уже в работах Бахтина отмечается, что в любом тексте «скрещиваются живые социальные силы», за чем угадывается намёк на более глобальный, «надтекстуальный» или «внетекстуальный» аспект межтекстового диалога. Текст является продуктом кристаллизации дискурса, его «материально зафиксированным следом» [3, С. 53]. Суть текста, таким образом, раскрывается не только посредством языка, но и через его социокультурный, когнитивный, коммуникативный и т.п. контекст — текст может полноценно функционировать только в рамках того или иного дискурса. Интертекст, в свою очередь, находится в точке пересечения дискурсов и является продуктом такого пересечения, т.е. интердискурса. А.В. Борисенко отмечает, что «речь идет об интердискурсивной практике, интердискурсивном процессе, в рамках которого становящийся интертекст оказывается полем пересечения «застывших» в нем и готовых к опредмечиванию в процессе рецепции различных дискурсов, социолектов, форм речевого поведения и т.д.» [4, С. 15]. Связано это с тем, что тексты не взаимодействуют друг с другом сами по себе, равно как и отдельный текст ничего не говорит в отрыве от, пользуясь термином Бахтина, того диалога, в котором он является составной частью, т.е. того или иного дискурса. Верно обратное: любой текст несёт на себе отпечаток породившего его дискурса; если текст является материальным продуктом дискурса, взаимодействие конкретных текстов в интертексте неразрывно связано с взаимодействием стоящих за ними дискурсов. Интертекстуальность, таким образом, является механизмом интердискурсивных взаимодействий.

Дискурс является весьма популярным и многогранным понятием. Как пишет В.Г. Борботько, «многоаспектность дискурса обусловила, в частности, множественность его определений и сравнительно быструю эволюцию в концепциях даже внутри одного и того же научного направления» [13, С. 13]. На текущий момент можно говорить о наличии в науке нескольких школ дискурсивного анализа, каждая из которых трактует дискурс по-своему.

Так, формально-лингвистическая (или англо-американская) школа понимает дискурс как диалог, т.е. последовательность реплик и предложений, и фокусируется на исследовании механизмов связности в рамках отдельного высказывания и цепи высказываний в диалоге.

Данная трактовка дискурса нашла своё отражение, в частности, в работе Дж. Синклера и М. Коултхарда «Towards an Analysis of Discourse», в которой исследователи анализируют общение учеников и учителя в процессе урока. Согласно Синклеру и Коултхарду, дискурс представляет собой иерархию коммуникативных действий — структур, в которых высшая единица (например, урок) формируется единицами более низшего порядка (например, транзакциями). Единицы, формирующие тот или иной уровень иерархии, выделяются исходя из функции, которую они выполняют в процессе коммуникации. На низшей ступени стоит цельная единица, которая не предполагает дальнейшего дробления [11].

Качественно иного подхода к дискурсу придерживаются представители французской школы дискурс-анализа, в чьих работах соединились «исторические, философские, в особенности марксистские, психоаналитические и в последнюю очередь лингвистические представления о дискурсе» [7, С. 137].

Ключевое значение в данном случае представляют работы французского мыслителя М. Фуко. Для учёного дискурс представляет собой исторически сложившиеся системы человеческого знания. Фуко рассматривает понятие дискурса в неразрывной связи с ограничением человеческой речи: в любом обществе существует система правил, которые регулируют высказывания людей — запретов, разделений, ритуалов и т.д. Высказывание, которое не соответствует правилам, приведёт к тому, что человека могут, например, посчитать безумцем или применить к нему какие-либо наказания. Верно и обратное: мы видим и понимаем мир через дискурс. Именно в дискурсе содержатся понятия и логические связи, которыми мы оперируем, и даже наша идентичность складывается из того, что диктует нам дискурс, как мы видим себя в его системе. В связи с этим Фуко вводит понятие дискурсивных формаций, которые представляют собой системы (часто анонимных) правил, которые определяют условия функционирования речи в ту или иную эпоху, в той или иной области человеческой жизни [12].

Современная дискурсивная проблематика включает довольно широкий круг тем. Так, учёные занимаются анализом конкретных дискурсов, рассматривая их в контексте их тематической отнесённости: например, выделяют искусствоведческий дискурс [14], юридический дискурс (и производные от него популярно-юридический и медийный юридический дискурсы) [15], экологический дискурс [16] и дискурс экологических сказок [18], академический дискурс [17] и т.д. Более фундаментальные работы рассматривают, например, специфику бытового и

институционального дискурсов [19] либо специфику развития дискурса как такового, т.е. хронотопические особенности современной коммуникации [20].

Понятие дискурса, таким образом, прочно заняло своё место в дисциплинах гуманитарного цикла. Коммуникативная проблематика, понимаемая в наши дни преимущественно междисциплинарно, неизбежно затрагивает дискурс. Многообразие типов дискурсов, рассматриваемых учёными, отражает комплексный характер реальной человеческой коммуникации, особенно применительно к последним годам; сам дискурс, в то же время, у разных исследователей трактуется по-разному. Согласно Чернявской, это связано с тем, что «в отечественной науке термин «дискурс» оказался привнесённым и наложился на уже существующие традиции функционально-стилистического анализа речи. Результатом такого заимствования стало калькированное употребление термина «дискурс» без последовательной опоры на стоящие за этим термином разные теории. Во многом мозаичная и часто эклектичная картина в российских публикациях о дискурсе стала возможной потому, что один термин представляет разные теории и связанные с ними методы анализа» [7, С. 136].

Рассматривая методологическую специфику понятия «дискурс», Чернявская отмечает, что существует две основные трактовки данного понятия, в рамках которых дискурс понимается как

1) конкретный акт общения, находящий своё отражение в письменных и устных высказываниях, осуществляемый в определённом когнитивно и типологически обусловленном коммуникативном пространстве, т.е. текст и его «вокругтекстовый фон»;

2) совокупность тематически соотнесённых текстов, так или иначе связанных с единым для них объектом; тематическое наполнение отдельного дискурса во втором случае определяется входящими в него текстами, которые соотносятся друг с другом интертекстуально [7, С. 143-144].

Дискурс — это, с одной стороны, текст и его контекст (ментальный, культурный, жанровый и т.д.), а с другой — множество текстов, объединённых тематической общностью и связанных между собой особыми интертекстуальными связями в рамках общей для них коммуникативной сферы.

Отдельные дискурсы, отражающие ту или иную сферу человеческого познания или коммуникации, можно рассматривать в качестве типов дискурсов или, иными словами, специальных дискурсов. Такими специальными дискурсами, являются, например, юридический, медицинский, политический, рекламный и т.п. дискурсы. При этом в один дискурс могут входить тексты разных типов; к политическому дискурсу могут относиться законопроект, закон, предвыборная речь, листовка, лозунг и т.д. Верно и обратное: один и тот же тип текста может быть связан с различными дискурсами; условное рекламное объявление о фильме может быть включено одновременно и в политический дискурс, и в дискурс литературы и искусства, и в обиходно-бытовой дискурс. Это подчёркивает принципиальную открытость дискурса к взаимодействию: эта система не может быть абсолютно замкнутой в связи с тем, как минимум, что один и тот же текст может принадлежать к разным дискурсам и участвовать в их жизни параллельно. Это, в свою очередь, указывает на взаимное проникновение дискурсов друг в друга.

Связано это с тем, что тексты существуют в общем когнитивном пространстве, которое в сути своей можно сопоставить с интертекстом. Тексты не существуют в вакууме, а взаимодействуют друг с другом на уровне ментальных процессов, что подразумевает некоторое общее место между различными текстовыми системами (общие когнитивные и коммуникативно-речевые стратегии, операционные шаги или установки), которое приводит в конечном итоге к общности текстовых структур. Это общее место представляет собой интегрированное в целостную систему человеческое знание, рассеянное во многих дискурсивных формациях. Чернявская предлагает называть это интердискурсом, а диалог дискурсов, в свою очередь, — интердискурсивностью [7, С. 211-212].

Ключевое значение для интердискурсивных исследований имеют работы французского учёного М. Пешё, которому принадлежит и сам термин «интердискурс». В своей работе «Прописные истины» (1975 г.) Пешё отстаивает идею о том, что интердискурс — это пространство, в котором дискурсы взаимодействуют с другими дискурсами посредством внедрения в них своих элементов в виде «преконструктов» — готовых элементов знания. Подобные взаимодействия диктуются движениями общественных сил, направляемых борьбой за власть [24]. Данные взгляды были дополнены и конкретизированы в работе исследователя Н. Фэркло «Дискурс и социальные изменения» (1992 г.). В ней Фэркло утверждал, что интердискурсивные взаимодействия и связанные с ними изменения в дискурсах сопровождают (а иногда и запускают) изменения в тех социальных практиках, которые данные дискурсы обслуживают [25].

Здесь нам видится уместным сделать следующее замечание: интердискурс — это, как нам кажется, понятие не абсолютное, а относительное. Любой дискурс может стать (и, вероятнее всего, является) интердискурсом по отношению к какому-то множеству других дискурсов меньшего масштаба. Так, например, дискурс интертекстуальности входит в дискурс лингвистики, который является по отношению к первому интердискурсом, а сам, в то же время, входит в ещё более глобальный научный дискурс. Расчленять многоголосицу человеческого знания можно как «парадигматически» — горизонтально, выделяя дискурсы одного уровня, так и «синтагматически» — вертикально, рассматривая дискурсы в контексте их иерархии.

В то же время понимать дискурс можно довольно широко: так, Кристева пишет о получателе текста, который «сам является не чем иным, как дискурсом, включённым в дискурсивный универсум книги» [5, С. 429]. Подобная широкая трактовка понятия «дискурс» позволяет увидеть дискурс того или иного рода в любой тематической общности текстов: даже отдельно взятый человек оказывается дискурсом, под которым можно понимать все высказывания, автором которых является этот человек. Тематической общностью, на наш взгляд, обладают и все тексты, сформулированные на одном языке. Так, если, например, взять за основание русский язык, то такой интердискурс будет включать в себя все дискурсы, в которых так или иначе фигурирует данный язык, т.е., в том числе, всю концептосферу носителей данного языка и все тексты на этом языке; семиотическое единство языка отражает единство (пусть и относительное) мировосприятия его носителей, а потому уместно говорить о том, что подобный

национальный дискурс, стоящий за конкретным языком, таким образом, будет отражать ментальность носителей данного языка.

Интересны в этой связи идеи Л.Н. Щербы о трёх аспектах языковой деятельности. Первый аспект Щерба называет «речевой деятельностью». В речевую деятельность входят процессы производства и восприятия текстов у конкретного носителя языка; в ходе данных процессов индивид употребляет слова и словарные конструкции — Щерба подчёркивает, что речь идёт не столько о воспроизведении уже услышанного, сколько о производстве нового на основе услышанного ранее [8, С. 24–25].

Речевая деятельность генерирует высказывания (тексты), которые Щерба выделяет в качестве второго аспекта языковой деятельности и предлагает называть «языковым материалом»: при этом исследователь отмечает, что в языковой материал входит не деятельность конкретных носителей языка, а совокупность всех текстов, производимых и воспринимаемых представителями той или иной социальной группы в конкретной ситуации и на конкретном временном отрезке [8, С. 26]. Данное определение, на наш взгляд, близко соотносится с понятием дискурса, (в т.ч. со вторым определением дискурса, данным Чернявской и приведённым нами ранее), в связи с чем можно предположить, что языковой материал в концепции Щербы представляет собой, говоря языком современной лингвистики, дискурс, а точнее — национальный дискурс (интердискурс) носителей языка, описанный нами ранее, или, как минимум, его составную часть.

Итак, речевая деятельность конкретного индивида производит тексты, которые сливаются в общий дискурс всех носителей данного языка. Третий аспект языковой деятельности по Щербе — это «языковая система», которая представляет собой некоторое объективное наполнение языкового материала, которое проявляется в индивидуальной речи каждого носителя языка [8, С. 28]. Щерба подчёркивает, что языковая система, будучи объективно данной и общей для всех носителей языка, на практике часто реализуется индивидуально: индивидуальность использования языка у исследователя обуславливается индивидуальностью существования каждого отдельно взятого коллектива носителей того или иного языка, в связи с чем несмотря на внешнюю конформность языковой системы у той или иной группы носителей, фактически язык претерпевает модификации, диктуемые потребностями этой группы. Отметим, что это подразумевает различия в использовании языка и внутри группы носителей языка, что, опять же, диктуется специфичностью существования каждого человека.

Вслед за Щербой отметим следующее: с одной стороны, речевую деятельность детерминирует языковая система, рассматриваемая в качестве набора универсальных правил, которые управляют речевой деятельностью и которым в той или иной степени следуют все носители языка и за счёт чего, собственно, можно говорить о наличии у той или иной группы людей общего языка; с другой стороны, речевая деятельность определяется «содержанием жизни данной социальной группы» [8, С. 28], которое рассматривается как фактические явления, события и ситуации, в которых оказывается коллектив носителей языка. Именно с содержанием жизни Щерба связывает изменения, происходящие в языке: если при единстве содержания жизни языковая система не будет претерпевать изменений, которые отражались бы в индивидуальной речевой деятельности, то «малейшее изменение в содержании, т.е. в условиях существования данной социальной группы, как то: иные формы труда, переселение, а следовательно, и иное окружение и т.п., немедленно отражается на изменении речевой деятельности данной группы и притом одинаковым образом, поскольку новые условия касаются всех членов данной группы». В связи с этим, по мнению учёного, именно частные случаи реализации языка в речи, которые отходят от правил, предписанных языковой системой, в конечном счёте заставляют языковую систему изменяться.

Таким образом, дискурс («содержание жизни») находит своё выражение в речевой деятельности, которая регулируется и ограничивается языковой системой коллектива индивидов — без некоего общего места в индивидуальных языковых системах общение было бы принципиально невозможно; в то же время, дискурс направляет развитие языка — в жизнь языкового коллектива приходят изменения, которые отражаются в дискурсе данного коллектива в виде новых понятий и смысловых конструкций, которые, в свою очередь, находят свою вербальную реализацию в высказываниях индивидов (в их речевой деятельности) и закрепляются в языке в силу коммуникативной необходимости. В этой связи уместно также вспомнить слова Ю.С. Степанова, который отмечал, что «дискурс — это первоначально особое использование языка [...] для выражения особой ментальности [...]; особое использование влечёт активизацию некоторых черт языка и, в конечном счёте, особую грамматику и особые правила лексики. И, в конечном счёте, [...] создаёт особый ментальный мир» [21, С. 38–39].

В данном контексте, на наш взгляд, уместно провести параллель между языком и текстом: если текст является материальным следом дискурса, продуктом его кристаллизации и в то же время задаёт вектор его дальнейшего развития, то и язык оказывается в схожем положении применительно к национальному дискурсу всех его носителей (очевидно, ставить знак равенства между текстом и языком было бы чрезмерным, однако сходства, на наш взгляд, тем не менее присутствуют). В такой дискурс естественным образом включается вся концептосфера носителей языка («содержание их жизни» в терминах Щербы), так или иначе запечатлённая в языке и реализуемая в их речи; язык же, в свою очередь, является выражением содержания национального дискурса в материальном мире подобно тому, как конкретный текст является выражением содержания дискурса, к которому он относится. В связи с этим, на наш взгляд, уместно говорить, например, о русскоязычном дискурсе, понимая под ним множество высказываний, производимых на русском языке, а также ту ситуацию (социальную, культурную, историческую и т.д.), в рамках которой эти высказывания появились и которую они отражают. Язык в данном случае становится маркером, позволяющим отнести тот или иной текст к тому или иному национальному дискурсу.

Возвращаясь к заданной изначально проблематике, отметим, что взаимодействие текстов становится проводником для взаимодействия дискурсов, которые стоят за взаимодействующими текстами; одно, в конечном итоге, невозможно без другого, и потому интертекстуальность и интердискурсивность можно понимать как два аспекта одного процесса — взаимодействия сегментов (областей) человеческого знания. Если за каждым языком стоит специфический дискурс,

выражаемый данным языком, то такие дискурсы также взаимодействуют друг с другом, и взаимодействие это происходит на уровне языков. В первую очередь это связано с историческими изменениями в жизни того или иного языкового коллектива: взаимодействие с другими сообществами, заимствование из их жизни явлений (и, как следствие, заимствование из их дискурса понятий, логических схем и т.д.) ведут к изменению быта данного коллектива, а значит, и его дискурса; это, в свою очередь, отражается и в языке — новые элементы жизни языкового коллектива требуют названия, которое нередко также заимствуется из языков тех же сообществ-доноров.

Однако пересечение дискурсов может происходить не только естественным путём; в литературе (особенно в современной, постмодернистской) можно найти много примеров того, когда, преследуя свои творческие цели, авторы намеренно скрещивают дискурсы. В этой связи, и в особенности в рамках нашего взгляда на взаимодействие дискурсов, особый интерес представляет произведение «Заводной апельсин» Э. Бёрджесса, опубликованное в 1962 г.

Роман повествует о непростой жизни молодых преступников в антиутопическом будущем. Главный герой, Алекс, от лица которого ведётся повествование, и его товарищи ежедневно занимаются, как это описывает сам Алекс, «старым добрым ультранасилием» — грабежами, пытками, избиениями и прочими ужасающими злодеяниями. Визитной карточкой романа, впрочем, является язык, которым пользуются его герои, — надсат. Это особое арг, сконструированное Бёрджессом, которое представляет из себя гибрид русского и английского языков. Приведём пример:

«Our pockets were full of *deng*, so there was no real need from the point of view of crasting any more *pretty polly* to *tolchock* some old *veck* in an alley and *viddy* him swim in his blood while we counted the takings and divided by four, nor to do the ultra-violent on some shivering *starry* grey-haired *pitisa* in a shop and go *smecking* off with the till's guts» [10, С. 1-2].

Существительное *deng* (money/деньги) образовано путём усечения русского слова *деньги*. Трансформация, которую слово претерпело при заимствовании, вероятно, отражает специфику употребления его англоязычного узуального аналога, который не употребляется во множественном числе.

Слово *crasting* (stealing/кража) в тексте романа является отглагольным существительным от глагола *crast*, которое, в свою очередь, образовано от русского слова *красть*.

Прилагательное *starry* является заимствованием, отсылающим к русскому слову *старый*; по форме данное слово полностью совпадает с английским словом *starry* (звёздный) и в тексте романа встречается как в узуальном значении, так и в окказиональном, в связи с чем можно говорить об окказиональной омонимии.

Такой же омонимией, на наш взгляд, может обладать и глагол *smeck* (to laugh/смеяться): в английском языке существует глагол *smack* (бить), а также существительное, которое начиная с XX-го века используется в качестве сленгового названия героина и может иметь форму *smeck*.

Этот отрывок взят из начала первой главы произведения, и уже по нему можно составить исчерпывающее представление о языке повествования. Путём скрещивания языков Бёрджесс создаёт полноценный новый код, обслуживающий потребности конкретной социальной группы в мире романа. Следующий пример:

«At this point, brothers, a *plenny* somewhere or other near the back row let out a *shoom* of lip-music—'Prrrrrp'—and then the brutal *chassos* were on the job right away, rushing real *skorry* to what they thought was the scene of the *schoom*, then hitting out nasty and delivering *tolchocks*, left and right» [10, С. 80].

Существительное *plenny* (prisoner/заключённый) образовано путём заимствования русского слова *пленный*; примечательно, что в русском языке данное слово связано с военной тематикой, а не с криминальной.

Существительное *chasso* (sentry/часовой) образовано путём усечения русского слова *часовой*. В тексте оно встречается как в естественном числе, так и во множественном, с добавлением соответствующего англоязычного окончания. Как и в случае с предыдущим примером, в русском языке это слово чаще всего применяется по отношению к военнослужащим, а в романе оно обозначает сотрудников исправительной системы.

«They had no licence for selling liquor, but there was no law yet against *prodding* some of the new *veshches* which they used to put into the old *moloko*, so you could *peet* it with *vellocet* or *synthemesc* or *drencrom* or one or two other *veshches* which would give you a nice quiet *horrorshow* fifteen minutes admiring *Bog* And All His Holy Angels and Saints in your left shoe with lights bursting all over your *mozg*» [10, С. 1].

Слово *Bog* (God/Бог) является прямым заимствованием из русского языка без каких-либо морфологических преобразований. Данное слово, тем не менее, совпадает по форме с узуальным английским словом *bog* (болото), в связи с чем создаётся яркое коннотативное значение.

Подобный эффект достигается и в случае с наречием *horrorshow* (good/хорошо): автор воспользовался узуальным английским словом, значение которого является прямо противоположным окказиональному, представленному в романе, в результате чего возникла омонимия и, как следствие, специфическое коннотативное значение.

«And he smiled with his *glazzies* and his fine big *rot* which was full of shining white *zoobies* and I sort of took to this *veck* right away» [10, С. 99].

Существительное *rot* (mouth/рот) является заимствованием из русского языка. Примечательно, что в английском языке уже присутствует данное слово, которое в узуальном значении обозначает *гниль/гнить*, в связи с чем в данном случае можно говорить об омонимии.

«I stood there in the horrible *bolshy* bare hall and I got new *vons*, sniffing away there with my like very sensitive *morder* or sniffer» [10, С. 98].

Существительное *morder* (nose/нос) появилось при заимствовании из русского языка слова *морда*; в данном случае, таким образом, имеет место синекдоха. Примечательно, что данное слово созвучно одновременно с узуальным английским словом *murder* (убийство) и с названием королевства *Мордор* (*Mordor*) из Властелина Колец Дж. Толкина, в котором оно является олицетворением зла.

«Then there were *lewdies* being dragged off *creeching* though not on the sound-track, my brothers, the only sound being music, and being *tolchocked* while they were dragged off» [10, С. 115].

Существительное *lewdies* (people/люди) является продуктом заимствования из русского языка. Примечательно, что в русском языке слово *люди* уже стоит во множественном числе, и при заимствовании автор сохраняет форму множественного числа, но также добавляет соответствующее англоязычное окончание; примечательно также, что данный окказионализм, очевидно, отсылает нас к узуальному англоязычному прилагательному *lewd*, которое обозначает нечто грубое и оскорбительное в сексуальном плане.

Причастие *creeching* (screaming/крича) образовано от глагола *creech*, который, в свою очередь, является продуктом заимствования из русского языка слова *кричать*. Примечательно, что в английском языке есть созвучный узуальный глагол *screech*, имеющий такое же значение.

Итак, как видно из примеров, роман действительно написан на английском языке – в тексте соблюдены правила грамматики и синтаксиса английского языка. На лексическом уровне дела обстоят интереснее: роман пестрит заимствованиями из русского языка, которые, несмотря на морфологическую обработку, всё равно существенно затрудняют восприятие текста, особенно для англоязычных читателей, незнакомых с русским языком. Это создаёт эффект дефамилиаризации, что отражает намерение автора: арго — это (пользуясь термином М. Халлидея) антиязык, не предназначенный для непосвящённых и используемый, чтобы скрыть смысл говоримого, что и пытается отразить в надсате Бёрджесс.

Герои являются участниками антиобщества, которое противопоставляет себя доминирующему и унифицированному обществу, они находятся в состоянии культурной и социальной войны с государством и той системой, которую оно создаёт, с чем связано, на наш взгляд, и смешение дискурсов боевых действий и исправительной системы в одном из рассмотренных примеров. Эту агрессию к окружающему миру отражают и некоторые другие заимствования: так, например, нейтральное слово *рот* превращается в *гниль*, *хорошо* превращается в *ужас*, а *Бог* — в *Болото*. Подобный выбор слов создаёт яркие коннотации, показывающие пренебрежительно-ироничное отношение к нормам того общества, в котором существуют герои — дискурс героев, таким образом, резко контрастирует с сухим официальным дискурсом, в рамках которого общаются представители «взрослого» общества в романе — например, врачи и полицейские.

Ирония, в то же время, позволяет героям дистанцироваться от собственных зверств. Ю.М. Лотман, рассуждая о соотношении понятий кода и языка, отмечал, что код «несёт представление о структуре только что созданной, искусственной и введённой мгновенной договорённостью» [22, С. 13], а «Язык — это код плюс его история» [Там же]. Узуальные английские слова, таким образом, несут в себе не только денотативное значение, но и коннотативное, сложившееся в рамках культурной традиции. Поэтому, говоря о себе и своих действиях, персонажи предпочитают не соотносить их с устоявшимися семантическими комплексами, а использовать надсат — это позволяет выстроить между собой и своими действиями стену иронии, которая позволяет персонажам не испытывать угрызений совести от собственного аморального поведения.

Тем не менее, герои не могут полностью отстраниться от того общества, в котором они вынуждены находиться, им приходится до определённой степени подстраиваться под него, и можно сказать, что это находит своё отражение в их речи: формально окказионализмы в тексте функционируют как полноценные узуальные слова — они подчиняются правилам грамматики и синтаксиса, они подстраиваются под английскую морфологию и графику. Окказионализмы, которыми пользуются герои, выбиваются из общего ряда текста, но вынужденно адаптируются к своему окружению и «мимикрируют» под узуальные английские слова подобно тому, как сами герои, противостоя обществу, в то же время вынуждены так или иначе подстраиваться под его нормы.

Тематика противостояния и войны прослеживается, на наш взгляд, и в выборе языка, из которого был заимствован лексический материал: так, исследовательница А. Богич указывает на русский и английский языки как на «два официальных и идеологических языка того времени» [23, С. 1]. В 60-е годы, в разгар Холодной войны именно эти два языка олицетворяли две совершенно разные системы ценностей — коммунистическую и капиталистическую — и два дискурса, находившиеся в противостоянии. Таким образом, заключается, что в дискурс романа вплетается дискурс противостояния сверхдержав и связанных с ними дискурсов, что создаёт совершенно иные коннотации, зависящие от того, как читатель относится, например, к русскоязычному и англоязычному (или, если взять шире, коммунистическому и капиталистическому) обществам.

Выбор языка также связан с биографией автора: незадолго до написания романа Бёрджесс предпринял поездку в Ленинград, где погрузился в общество русскоязычных людей. Опыт изучения русского языка и общение с его носителями позволили ему близко познакомиться не только с языком, но и с культурой и дискурсом, которые за ним стоят. Интертекстуальность в романе, таким образом, можно понимать в широком смысле: окказионализмы романа отсылают не к конкретным текстам, а к массиву высказываний, которые запечатлела память автора во время его пребывания в русскоязычной среде. В то же время Бёрджесс не просто общался с русскоязычными людьми, но пребывал в русскоязычном обществе – в иной системе ценностей и ином национальном дискурсе.

Заключение

Итак, интертекстуальность, понимаемая как механизм взаимодействия текстов, проявляется при создании текста, в ходе которого автор заимствует элементы других текстов. Однако за любым текстом стоит дискурс, который его породил, и потому любой интертекст в конечном итоге является продуктом взаимодействия дискурсов, т.е. интердискурсивности.

Дискурсы, в свою очередь, понимаемые как совокупности множеств тематически близких текстов, связаны иерархическими отношениями, в которых дискурсы более высокого порядка включают в себя дискурсы более низкого порядка. Тематическая близость позволяет нам говорить о большом количестве специализированных дискурсов; в то же время, маркером более глобальной тематической близости текстов является код, на котором они написаны, т.е. язык: все тексты, написанные на одном языке, связаны глобальной общностью содержания — они все отсылают к некоему общему ментальному пространству, в котором существуют носители этого языка. В связи с этим нам видится уместным сделать вывод о том, что за языком стоит национальный дискурс, который отражает культуру и бытие языкового коллектива и связывает между собой все тексты, написанные на данном языке.

Подобно дискурсам более низкого порядка, национальные дискурсы взаимодействуют друг с другом — в естественной среде это происходит при контактах культур и проявляется, например, в языковых заимствованиях, когда элементы одного дискурса проникают в другой, приводя к изменениям в языке. В более «драматичных» случаях, представленных в литературе постмодернизма, интердискурсивные взаимодействия выводятся на первый план — дискурсы сталкиваются и сливаются, возникают новые дискурсы, находящие своё отражение в специфических текстах (интертекстах).

Ярким примером подобного взаимодействия национальных дискурсов является роман Э. Бёрджесса «Заводной апельсин», в котором через столкновение двух языков — русского и английского — происходит столкновение двух в известной мере чуждых друг другу дискурсов — русскоязычного и англоязычного. Столкновение языков в романе, на наш взгляд, отражает столкновение дискурсов, о котором повествует роман: с официальным дискурсом, выраженным в тексте узуальным английским языком, сталкивается дискурс преступной молодёжи, чётко очертившей себя специфическим кодом — аргос надсат. Особым образом социальное противостояние в романе подчёркивалось и той ролью, которые на момент публикации выполняли в реальном мире русский и английский языки — это были языки, за которыми стояли совершенно чуждые друг другу социально-экономические системы, системы ценностей и, наконец, дискурсы. Роман приобрёл именно такую форму в силу личного взаимодействия автора — носителя английского языка — с носителями русского языка, а также погружения автора в иную культуру, в иное общество, в иной дискурс. Элементы русского языка в романе становятся специфическим маркером, который чётко разделяет персонажей как участников совершенно разных, чуждых друг другу дискурсов.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Бахтин М.М. Литературно-критические статьи / М.М. Бахтин. — Москва : Художественная литература, 1986. — 542 с.
2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. — Москва : Искусство, 1986. — 445 с.
3. Богатырев А.А. Схемы и форматы индивидуации интенционального начала беллетристического текста / А.А. Богатырев. — Тверь : Тверской государственный университет, 2001. — 197 с.
4. Борисенко А.В. Семиотика интертекстуальности / А.В. Борисенко. — Тверь : Тверской государственный университет, 2004. — 114 с.
5. Косиков Г.К. Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму / Г.К. Косиков. — Москва : Прогресс, 2000. — 533 с.
6. Миловидов В.А. «Улица корчитя безъязыкая...». Металингвистика повседневности / В.А. Миловидов. — Москва : ЯСК, 2024. — 176 с.
7. Чернявская В.Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность / В.Е. Чернявская. — Москва : ЛИБРОКОМ, 2009. — 248 с.
8. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность / Л.В. Щерба. — Москва : Едиториал УРСС, 2004. — 432 с.
9. Ямпольский М.Б. Память Тиресия / М.Б. Ямпольский. — Москва : Культура, 1993. — 456 с.
10. Burgess A. A Clockwork Orange / A. Burgess. — London : William Heinemann Ltd, 1962. — 192 p.
11. Sinclair J. Towards an Analysis of Discourse / J. Sinclair, M. Coulthard // Advances in Spoken Discourse Analysis; edited by M. Coulthard — London : Routledge, 1992. — P. 1-34.
12. Фуко М. Археология знания / М. Фуко. — Санкт-Петербург : Гуманитарная Академия, 2004. — 416 с.
13. Борботько В.Г. Принципы формирования дискурса / В.Г. Борботько. — Москва : ЛИБРОКОМ, 2011. — 288 с.

14. Билялова А.А. Искусствоведческий дискурс / А.А. Билялова, С.А. Имамбердыева // Russian Linguistic Bulletin. — 2024. — № 4 (52). — DOI: 10.18454/RULB.2024.52.10.
15. Соловьёва Ю.О. Популярно-юридический дискурс vs медийный юридический дискурс / Ю.О. Соловьёва // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. — 2022. — № 1. — С. 15–21. — DOI: 10.14529/ling220102.
16. Гладий А.Е. Экологический дискурс и аспекты его изучения в российской лингвистике / А.Е. Гладий, М.В. Голомидова // Russian Linguistic Bulletin. — 2024. — № 5 (53). — DOI: 10.60797/RULB.2024.53.15.
17. Дроздова Д.Р. Феминитивы в академическом дискурсе / Д.Р. Дроздова // Филология и культура. — 2022. — № 4 (70). — С. 59–65. — DOI: 10.26907/2782-4756-2022-70-4-59-65.
18. Власичева В.В. Дискурс экологических сказок / В.В. Власичева // Russian Linguistic Bulletin. — 2022. — № 3 (31). — DOI: 10.18454/RULB.2022.31.2.
19. Лукьянова С.В. К вопросу о типологии дискурса / С.В. Лукьянова // Вестник Псковского государственного университета. — 2016. — № 3. — С. 150–154.
20. Карасик В.И. Тенденции развития современного дискурса / В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. — 2021. — № 1. — С. 14–31. — DOI: 10.29025/2079-6021-2021-1-14-31.
21. Степанов Ю.С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности / Ю.С. Степанов // Язык и наука конца XX века — Москва : РГГУ, 1995. — С. 35–37.
22. Лотман Ю.М. Культура и взрыв / Ю.М. Лотман. — Москва : Гнозис, 1992. — 270 с.
23. Suciú A. The Semantics of Nadsat. A Study on Language and Its Functions in Defining Character — A Clockwork Orange by Anthony Burgess / A. Suciú, M. Culea // Folia linguistica et litteraria. — 2020. — № X (32). — P. 171–197. — DOI: 10.31902/fl.32.2020.9.
24. Pêcheux M. Language, Semantics and Ideology / M. Pêcheux. — New York : St. Martin's Press, 1975. — 244 p.
25. Fairclough N. Discourse and Social Change / N. Fairclough. — Cambridge : Polity Press, 1992. — 259 p.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Bakhtin M.M. Literaturno-kriticheskie stati [Literary Criticism] / M.M. Bakhtin. — Moscow : Khudozhestvennaya literatura, 1986. — 542 p. [in Russian]
2. Bakhtin M.M. Estetika slovesnogo tvorchestva [Aesthetics of the Verbal Art] / M.M. Bakhtin. — Moscow : Iskusstvo, 1986. — 445 p. [in Russian]
3. Bogatyrev A.A. Skhemi i formati individuatsii intentsionalnogo nachala belletristicheskogo teksta [Schemes and Formats of Individuation of the Intentional Principle of a Fictional Text] / A.A. Bogatyrev. — Tver : Tver State University, 2001. — 197 p. [in Russian]
4. Borisenko A.V. Semiotika intertekstualnosti [Semiotics of Intertextuality] / A.V. Borisenko. — Tver : Tver State University, 2004. — 114 p. [in Russian]
5. Kosikov G.K. Frantsuzskaya semiotika: ot strukturalizma k poststrukturalizmu [French Semiotics: From Structuralism to Poststructuralism] / G.K. Kosikov. — Moscow : Progress, 2000. — 533 p. [in Russian]
6. Milovidov V.A. "Ulitsa korchitsya bezызykaya...". Metalingvistika povsednevnosti ["The street writhes, tongueless..." Metalinguistics of Everyday Life] / V.A. Milovidov. — Moscow : YaSK, 2024. — 176 p. [in Russian]
7. Chernyavskaya V.E. Lingvistika teksta: Polikodovost, intertekstualnost, interdiskursivnost [Linguistics of the Text: Polycodeness, Intertextuality, Interdiscursivity] / V.E. Chernyavskaya. — Moscow : LIBROKOM, 2009. — 248 p. [in Russian]
8. Shcherba L.V. Yazikovaya sistema i rechevaya deyatelnost [Language System and Speech Activity] / L.V. Shcherba. — Moscow : Editorial URSS, 2004. — 432 p. [in Russian]
9. Yampolsky M.B. Pamyat Tiresiya [Memory of Tiresias] / M.B. Yampolsky. — Moscow : Kultura, 1993. — 456 p. [in Russian]
10. Burgess A. A Clockwork Orange / A. Burgess. — London : William Heinemann Ltd, 1962. — 192 p.
11. Sinclair J. Towards an Analysis of Discourse / J. Sinclair, M. Coulthard // Advances in Spoken Discourse Analysis; edited by M. Coulthard — London : Routledge, 1992. — P. 1-34.
12. Fuko M. Arkheologiya znaniya [The Archaeology of Knowledge] / M. Fuko. — Saint Petersburg : Gumanitarnaya Akademiya, 2004. — 416 p. [in Russian]
13. Borbotko V.G. Printsipi formirovaniya diskursa [Fundamentals of Discourse Formation] / V.G. Borbotko. — Moscow : LIBROKOM, 2011. — 288 p. [in Russian]
14. Bilyalova A.A. Iskusstvovedcheskii diskurs [Art History Discourse] / A.A. Bilyalova, S.A. Imamberdieva // Russian Linguistic Bulletin. — 2024. — № 4 (52). — DOI: 10.18454/RULB.2024.52.10. [in Russian]
15. Solovyova Yu.O. Populyarno-yuridicheskii diskurs vs mediinii yuridicheskii diskurs [Popular Legal Discourse vs Legal Media Discourse] / Yu.O. Solovyova // Vestnik Yuzhno-Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika [Herald of the South Ural State University. Linguistics]. — 2022. — № 1. — P. 15–21. — DOI: 10.14529/ling220102. [in Russian]
16. Gladiy A.E. Ekologicheskii diskurs i aspekti yego izucheniya v rossiiskoi lingvistike [Environmental Discourse and Aspects of its Study in Russian Linguistics] / A.E. Gladiy, M.V. Golomidova // Russian Linguistic Bulletin [Russian Linguistic Bulletin]. — 2024. — № 5 (53). — DOI: 10.60797/RULB.2024.53.15. [in Russian]

17. Drozdova D.R. Feminitivi v akademicheskom diskurse [Feminitives in Academic Discourse] / D.R. Drozdova // *Filologiya i kultura* [Philology and Culture]. — 2022. — № 4 (70). — P. 59–65. — DOI: 10.26907/2782-4756-2022-70-4-59-65. [in Russian]
18. Vlasicheva V.V. Diskurs ekologicheskikh skazok [Discourse of Ecological Tales] / V.V. Vlasicheva // *Russian Linguistic Bulletin* [Russian Linguistic Bulletin]. — 2022. — № 3 (31). — DOI: 10.18454/RULB.2022.31.2. [in Russian]
19. Luk'yanova S.V. K voprosu o tipologii diskursa [On Discourse Typology] / S.V. Luk'yanova // *Bulletin of the Pskov State University*. — 2016. — № 3. — P. 150–154. [in Russian]
20. Karasik V.I. Tendentsii razvitiya sovremenogo diskursa [Modern Discourse Developmental Trends] / V.I. Karasik, G.G. Slyshkin // *Aktualnie problemi filologii i pedagogicheskoi lingvistiki* [Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics]. — 2021. — № 1. — P. 14–31. — DOI: 10.29025/2079-6021-2021-1-14-31. [in Russian]
21. Stepanov Yu.S. Alternativnii mir, Diskurs, Fakt i printsip Prichinnosti [Alternative World, Discourse, Fact and the Causal Principle] / Yu.S. Stepanov // *Language and Science at the End of the XX Century*. — Moscow : RGGU, 1995. — P. 35–37. [in Russian]
22. Lotman Yu.M. *Kultura i vzriv* [Culture and Explosion] / Yu.M. Lotman. — Moscow : Gnozis, 1992. — 270 p. [in Russian]
23. Suciú A. The Semantics of Nadsat. A Study on Language and Its Functions in Defining Character — A Clockwork Orange by Anthony Burgess / A. Suciú, M. Culea // *Folia linguistica et litteraria*. — 2020. — № X (32). — P. 171–197. — DOI: 10.31902/fl.32.2020.9.
24. Pêcheux M. *Language, Semantics and Ideology* / M. Pêcheux. — New York : St. Martin's Press, 1975. — 244 p.
25. Fairclough N. *Discourse and Social Change* / N. Fairclough. — Cambridge : Polity Press, 1992. — 259 p.